

В.А.ЖУКОВСКИЙ – СВОБОДНЫЙ КОНСЕРВАТОР

© 2008 В.Н.Шульгин

Российский государственный университет им. И.Канта

Рассматриваются воззрения виднейшего представителя первого поколения русского свободного консерватизма XIX в. На основе критического анализа историографии вопроса и рассмотрения новых источников делается вывод о мировоззренческом консервативно-самобытном постоянстве поэта-мыслителя.

*Тебе сей кубок, Русский Царь!
Цвети твоя держава;
Священный трон твой нам алтарь;
Пред ним обет наш: слава. 1812 г.*

Василий Андреевич Жуковский, родившийся в 1783 году, был старше Пушкина (1799), Вяземского (1792) и П.Я.Чаадаева (1794), этих главных представителей первого, "осевого" поколения идейных консерваторов, пошедших за Карамзиным. Жуковский, как и великий историограф, способствовал духовному повзрослению Пушкина. Ещё в 1820 г., задолго до декабристского выступления, сыгравшего важную роль в поправлении национального поэта, Жуковский признавал его "первенство по таланту", но и предостерегал: "... я ненавижу всё, что ты написал возмутительного для порядка и нравственности. Наши отроки при плохом воспитании... познакомились с твоими буйными, одетыми прелестью поэзии мыслями; ты уже многим нанёс вред неисцелимый. Это должно заставить тебя трепетать. Талант ничто. Главное – величие нравственное. – Извини эти строки катехизиса" [9, С.449]. Пушкин, духовно взрослея, положительно воспринимал наставления признанного поэта. Но по масштабу мысли и духа выдающийся писатель и поэт Жуковский всё же уступал Пушкину и признавал это [Цит. по: 1, С.241]. Однако нравственное первенство Жуковского в обществе было неоспоримым. Наряду с Пушкиным он сыграл выдающуюся роль в попытке "перевоспитания" национальной элиты в самобытном смысле, впрочем, без ущерба к подлинным христианским основам европейского просвещения. Поэтому его деятельность способствовала вызреванию славянофильства и почвенничества 40 – 80-х годов XIX в.

Консервативная сторона творчества Жуковского изучена слабо. Известная исследовательница русской общественной мысли Р.Г.Эй-

монтова незадолго до своей кончины приступила к этому делу, заинтересовавшись христианской основой взглядов поэта. Однако завершить работу не смогла. Е.Л.Рудницкая, опубликовавшая фрагмент исследования, справедливо отметила, что хотя обращение к духовному миру Жуковского "нетрадиционно" для отечественной историографии, но является весьма полезным, так как "открывает новые грани в познании русского общества первой половины XIX." [14, С.141].

В.Я.Гросул в недавней монографии об истории Русского общества сделал обоснованный вывод о "поправлении русской литературы" в период царствования Николая. В частности отмечается, что этим настроением "отмечены и стихотворения, и проза В.А.Жуковского – резкого противника революции и убеждённого монархиста" [3, С.206 – 207]. Вывод справедливый, но мы должны иметь в виду и определенное консервативное постоянство Жуковского, с молодых лет высказывавшего своё монархическое *stredo*. Вообще современные исследователи, историки и филологи пришли к обоснованному выводу об очень важном месте Жуковского в рамках стержневой отечественной культурной традиции. С.О.Шмидт пишет: "Ныне становится всё яснее, что, обращаясь к корневым структурам нашего культурного наследия, ... следует значительно большее внимание уделить наследию Жуковского". Жуковский повлиял на Пушкина и Гоголя в мировоззренческом отношении, а с другой стороны, – он сознательно внушал наследнику престола, будущему Александру II, равно и другим представителям династии "понимание величия Пушкина" [13, С.42 – 43]. С.О.Шмидт справедливо отметил, что по Жуковскому "в такой стране, как Россия, монархия – единственно возмож-

ная форма правления, это соответствовало и духу воззрений Карамзина и лиц его круга". Однако известный историк не вполне обоснованно называет такую позицию Жуковского (как и Карамзина) проявлением типичного для того времени "утопизма" (в данном случае "просвещённо-абсолютистского"). Одновременно С.О.Шмидт настаивает на "либерализме" Жуковского. Эта мысль подкрепляется цитатой из дневника Жуковского 1836 г. о самодержавии как "источнике произвола" в правительственном и гражданском отношении [13, С.13, 14, 35]. К сожалению, приведённая цитата не введена в общий контекст мысли поэта, не дополнена другими, в которых Жуковский выступает безусловным апологетом самодержавия и одновременно – критиком либерально-демократической государственности Запада. Причём, эта монархическая направленность характерна не только для творчества позднего Жуковского второй половины 40-х годов, но ею же отмечены и его размышления 20-х годов XIX в.

Недавно были введены в общеизвестный оборот полные тексты дневников Жуковского (в рамках издающегося нового полного собрания сочинений, главным редактором которого является А.С.Янушкевич), которые позволяют полнее оценить мировоззренческие установки Жуковского, бывшего вполне последовательным свободным консерватором в духе Карамзина-Пушкина. Исследователи-филологи очень многое сделали для изучения творчества Жуковского, поэта и мыслителя. М.И.Гиллельсон давно обратил внимание на преемственную идейную и литературную "самобытную" традицию Карамзина – Жуковского – Пушкина и их последователей. Исследователь обоснованно заключил, что писатели "пушкинского круга" в 20 – 30-е годы XIX в. делали "попытки склонить правительство к избранию курса просвещённого правления" [2, С.159,198]. Но, почувствовав в нашей истории первой половины XIX в. борьбу двух элит (русско-самобытной и служебно-бюрократической), Гиллельсон неверно заключил о писателях "пушкинского круга", заявив, что они стояли в "оппозиции апологетам монархической власти" [2, С.12, 46 – 48, 51 – 55].

Г.М.Фридендер, Ф.З.Канунова, Н.Д.Кочетова, Р.В.Иезуитова, В.И.Сахаров, С.Е.Шаталов также писали о духовном единстве того круга деятелей русской культуры, основоположником которого выступил "друг-отец" Ка-

рамзин (бывший, по Жуковскому, "лучезарным средоточием круга нашего"), а продолжателями – Пушкин и сам Жуковский [4, С.6, 8, 10, 211 – 213, 238 – 239]. Фридендер и Канунова сказали о важной консервативной методологической особенности взглядов деятелей этого круга, для которых были важны идеальные ценности, естественные "чувства", а не пресловутый безличный "культ разума", который привёл Европу к революционным, кровавым потрясениям конца XVIII – начала XIX вв. [4, С.12 – 13, 16]. Кроме того, Канунова осознала далеко не всегда понимаемую специалистами-гуманитариями особенность духовного мира Карамзина и Жуковского, которые по консервативному переосмыслили учение Руссо о приоритете всего естественного над цивилизационно-искусственным и возвратили учение Руссо о свободе человека к их подлинно христианским истокам [4, С.40 – 42]. Исследователи почувствовали новый для Жуковского, передового литератора конца XVIII – начала XIX вв., вероучительный подход к жизни, а также уловили коренное отличие представителей круга Карамзина – Жуковского – Пушкина от круга служебных защитников престола, а именно, – искренний монархизм, проникнутый "чувством собственного достоинства" безо всякой сервильности [4, С.198, 204 – 205]. В то же время, исследователи склонялись к отрицанию мировоззренческого постоянства у Жуковского, усматривали у него явное противоречие между просвещённым гуманизмом и христианским консерватизмом. Причём, последний они относили лишь к позднему периоду жизни поэта [4, С.14 – 15]. На самом деле, консервативно-монархические идеи Жуковского, (как и у Карамзина, Пушкина) ни в коей мере не противоречили их человечности, поскольку неуклонный рост гражданской свободы в обширной империи мог быть обеспечен, как они считали, только самодержавной верховной властью, особенно в условиях нарастающего внешнего и внутреннего радикализма "полуобразованной" интеллигенции. Р.В.Иезуитова ошибочно склонялась к суждению о Жуковском и Пушкине как критиках самого принципа монархии. Пушкин необоснованно воспринимается "близким" политической програм-

ме декабристов (якобы "разделяет её главные идеи") [4, С.242 – 243]. Совершенно очевидно обратное: оба поэта – враги самой основной идеи декабризма, "фанатичной" идеи политического радикального переворота в духе отвлеченных теорий "чужеземного идеологизма" (выражение Пушкина).

В конце 80-х гг. был издан и московский филологический сборник о Жуковском под редакцией В.Ю.Троицкого. Его авторы (в частности В.И.Сахаров) справедливо поставили Жуковского в центр отечественной литературной традиции. Были признаны "консервативные начала" творчества Жуковского, но тут же сделано непонятное заключение, что эти начала постепенно "трансформировались и вытеснялись в его поэзии иными духовными потоками". Говорилось даже о "кричащих противоречиях" Жуковского, "раздиравших его мировоззрение" [5, С.67, 69, 53, 55, 238, 249, 250]. Вообще для авторов сборника характерно необоснованное отрицание духовного единства внутреннего облика Жуковского. Исследователи-филологи верно заключили, что Жуковский "во многом противостоял" официальной идеологии и политике, но не сумели понять, что это противостояние официальной бюрократии было характерно для всего круга *свободных консерваторов* [5, С.7]. Поэтому учёные склонялись постоянно видеть 2-х разных Жуковских, не сумев их, так сказать, соединить в одном лице, а именно, – Жуковского консерватора-монархиста и Жуковского-гуманиста, сторонника гражданской свободы. А он был и тем и другим, и здесь не было никакого противоречия, как и в случае с Карамзиным, "республиканцем" и "монархистом" в одном лице! А.Смирнов и Н.И.Прокофьев верно определили особенности консервативно-христианской методологии Жуковского, ёмко выраженной его поэтическими строками: "Всегда творить не разрушая, // Мирить печального с судьбой // И, силу в сердце водворяя, // Беречь в нём ясность и покой". Общество может развиваться, исключая потрясения, только сохраняя свою жизнь и её формы, прежде рождённые. Прокофьев, излагая эти руководящие мысли свободного консерватора, отказал им в праве на истину, заключив, что данная концепция – "фаталистическая" и "научно несостоятельная" [5, С.14, 31 – 32]. Конечно, невозможно строго судить предшественников, которые в силу "переходной" идеологической ситуации 80-х годов XX в. не

могли выступить исследователями свободного консерватизма и даже разглядеть его.

Известный исследователь-филолог А.С.Янушкевич недавно опубликовал большое и весьма ценное исследование о "художественной системе" творчества Жуковского. К сожалению, и в этом новаторском труде содержится традиционное ошибочное суждение о "противоречивости" мировоззрения позднего Жуковского. Исследователь полагает, что религиозность Жуковского, сблизившая его со славянофилами, "вступила в столкновение" с его романтизмом, что поэт вел внутреннюю "мучительную борьбу", проистекавшую из "противоречия между религиозными постулатами и жадной поэтического синтеза" [16, С.267 – 273]. Представляется, что эти оценки – проявление отвлеченного подхода. Романтизм, религиозность, монархизм, сочувствие программе славянофилов сливались у классика в цельную органическую систему. Завершая обзор исследования литературы, необходимо отметить, что заслуга исследователей-филологов состоит в осознании центральной роли Жуковского в развитии стержневого направления русской культуры.

Аналогично Карамзину уже у молодого Жуковского отчётливо заметна консервативная духовная ориентация. Тридцатилетним человеком в 1814 году он поверяет своему дневнику следующую мысль: "Не желать перемен. Пользоваться тем, что есть. Боязнию будущего не портить настоящего". Хотя это размышление связано с его неудачей в женитьбе на М.Протасовой и носит личный характер, сам строй его мысли отчётливо консервативен. Настоящее – бесценно и абсолютно. Жуковский в это время ещё не вполне освободился от влияния "просветителей". В духе И.Канта он замечает (правда, только по своему личному поводу): "Счастья нет – оно в исполнении долга" и, в то же время, замышляет роман против Вольтера с красноречивым названием "Анти-Кандид" [7, С.66]. Монархизм Жуковского типологически проистекал из той же религиозной онтологии, что и древний античный консерватизм Пифагора, Гераклита, Платона, равно и – из христианского верования, которому поэт старался следовать. Платон исходил из того, что "царское искусство" должно быть положено в основу

политического порядка. Такая власть правит не по бездушному закону, но по правилам высшего искусства, "потому что сила искусства ставится выше законов" [10, С.20], [15, С.113], [12, С.43, 46, 51]. Исходя из христианской онтологии, Жуковский ставил органическое личное начало выше механического общественного. В самом деле, любое историческое действие основывается на индивидуальной воле и духе, которые в своём свободном развёртывании вовлекают в свою орбиту сочувствующих. Так происходит в большом и малом, в истинном и грешном. Действительно, "из искры возгорается пламя", либо горнее, либо адское. Отсюда и определяющая роль личности в истории. Жуковский, как христианин, хорошо понимал и значение веры, и определяющую роль личного начала в истории. Именно поэтому он утверждал, что отдельный человек "выше, нежели род человеческий". Индивидуальная личность обладает бессмертной душой, то есть человек "принадлежит высшему миру". Человечество же является не более чем "театром" действия индивидуальной души. Отсюда проистекает убеждённость Жуковского в правде русской христианской самодержавной государственности. Как подлинный художник, Жуковский видит, прежде всего, красоту Русского Царства. Это лучшее доказательство его истинности. Он считает, что "красота и истина одно и то же" [6, С.48]. К концу 20-х – началу 30-х годов Жуковский был уже вполне сформировавшимся консерватором. В письме к другу, А.И.Тургеневу, написанном в январе 1833 г., поэт отзывается о своём приятеле, немецком общественном деятеле Радовице: "В его образе мыслей может быть много излишества, но такой образ мыслей есть доска спасения в нашем убийственно-позитивном веке, когда всё возвышающее душу засыпано земным сором, когда нет святого, когда математически гордый ум гонит Бога с Его места и когда образованность сделалась плодом без зерна" [11, С.271 – 272].

Ещё один показатель завершения консервативно-самобытной трансформации взглядов Жуковского к этому времени – его согласие с критикой либерально-просветительской теории так называемого "Общественного договора", высказывавшейся немецкими консервативными теоретиками Исторической школы права и их сторонниками. Одним из них был швейцарский политик и публицист К.Л.Галлер. В мартовском 1833 г. письме к А.И.Тургеневу Жуковский высоко отзывается о "прекрасной" книге Галлера и

отмечает, что швейцарец "... фактом заменяет идею; и **вместо ложных систем**, созданных на основании ложной идеи (систем, к которым насильственно применили в наше время порядок гражданский), **принимает просто сей порядок, неискусственно создавшийся**, сам собою, вследствие вечных Божественных законов... Галлерова система проста, удовлетворительна тем, что ставит границы заносчивости человеческого ума и возвращает должное Богу <...> Галлерова система есть та именно, которая мне надобна: нельзя без отвращения читать всего того, что врут защитники фальшивой свободы, верховной власти народа, так называемого общего блага и пр. и пр." (курсив Жуковского; выделено мною – В.Ш.) [11, С.274 – 276]. Тут, на примере Жуковского, необходимо учесть два момента. Во-первых, перекличку идей христианского консерватизма, высказываемых одновременно на Западе и Востоке Европы, во-вторых, постепенно возрастающую самобытность русской мысли, которая только потому обращала внимание на родственные ей на Западе течения, что и сама эволюционировала в консервативно-христианском направлении по мощному импульсу, данному ей Фонвизиным, Державиным, Шишковым, но особенно – Карамзиным и Пушкиным.

Прочитанное письмо Жуковского замечательно изъяснением именно законченного консервативного убеждения, которое с тех пор уже не изменялось до самой смерти поэта-мыслителя в 1852 г. Жуковский отвергает основную, "рамочную" (договорную) теорию европейского либерализма, ставшую своеобразным демократическим троянским конём революции в европейском христианском обществе XVIII – XIX вв. Ведь идея "первоначального" политического договора буквально вколачивалась в европейское общественное сознание всеми просветителями, начиная с Локка, Монтескье и Вольтера, заканчивая Дидро, Руссо, Кантом. Понять её ложь было делом не простым, да и весьма не популярным в столь модном и одновременно тиранично-либеральном окружении "общего мнения" Новой Европы. Жуковский, так же, как до него и Карамзин с Пушкиным, сумел, как честный человек, совершить этот идейный поступок возврата к христианскому пониманию истоков Европейской цивилизации.

Это значительное идейное достижение Жуковского тем более необходимо иметь в виду, поскольку ещё в 1828 году он высказывал типично либеральные суждения в соответствии с общепринятой "договорной теорией". В размышлении "Дух времени", помещенном в дневники 1828 г., Жуковский вполне в духе просветителей писал об общем прогрессивном магистральном пути развития европейской цивилизации, утверждая следующее, применительно к России и Европе: "Наше время есть переход из юношества в мужество; время утверждения общественного договора: обе условливающиеся стороны созрели..." [7, С.307]. Но, как мы видели, очень скоро, в течение пяти следующих лет Жуковский окончательно покинул почву христианского либерализма и назвал "ложью" свои прежние симпатии к "общественному договору". Конечно, радикалом он не был и в 20-е годы. Никакому насильственному перевороту декабристского типа он не мог сочувствовать изначально. Но общие либеральные симпатии века первоначально у него имелись, так же, как и у П.А.Вяземского. Жуковский раньше, а Вяземский позже перешли на чисто консервативную почву в представлениях об основах европейской христианской государственности вообще и русской самодержавной, – в частности.

Жуковский положил в основание своего монархизма христианское мировоззрение. В ноябрьском дневнике 1827 г. Жуковский в очередной раз задумывается о призрачной силе монарха, если тот не опирается на христианское чувство справедливости. Эта идеальная и реальная справедливость является наиболее значимой основой самодержавного правления! (То, что никак не могли понять служебные консерваторы, особенно остзейцы, упиравшие на голую силу без правды). Поэт всеми силами старается донести эту мысль до своего воспитанника, великого князя, будущего самодержца. Он писал: "Без правил незыблемых нет и власти незыблемой, нет и правления твёрдого. Слово *должность* должно быть главное в лексиконе великого князя. Он должен помнить две вещи: живу для деятельности! Отвечаю за всё Судии Верховному" (курсив Жуковского – В.Ш.) [7, С.297]. Эта идея Жуковского о необходимости следования Божественной правде, (т.е. основному идеальному устою самодержавия), высказывалась мыслителем постоянно. Идея самодержавия – смирение монарха во Христе-Боге. В 1844 году Жуковский пишет: "Главная добродетель Русского Государя должна

быть терпеливость <...> его всемогущество относительно народа должно быть смирением относительно Бога. Творя над народом Божию волю, он должен ей подчинить безусловно свою волю". Самодержец не должен впадать в соблазн произвольного самовластия, поскольку "всемогущество принадлежит одному Богу; горе тому, кто замыслит его себе присвоить...". Отсюда давались советы Николаю I о воспитании у наследника христианского смирения, чтобы последний не мнил себя всемогущим помимо Бога и не торопил истории, поскольку гордыня всегда наказывается [8, С.300].

Итак, начало 30-х годов – время наступления полной зрелости свободно-консервативных убеждений Жуковского. Хотя, как художник слова, поэт и прежде был сторонником русской национальной государственности. Об этом красноречиво свидетельствует его творчество, в частности, произведение 1812 г. "Певец во стане русских воинов", фрагмент из которого избран эпиграфом к данной статье. **В начале 30-х годов художническая интуиция, давно сделавшая Жуковского крепким сторонником отечественного самодержавия, окончательно и непротиворечиво совпала с мировоззренческой рефлексией поэта-мыслителя.** Теперь и на уровне художественных прозрений, и на уровне историко-философского постижения жизни Жуковский высказывает одну и ту же мысль о цивилизационной истинности русского самодержавного царства. России никого не надо догонять в её главном. У неё свой собственный самобытный путь. Жуковский понял эту истину позже Пушкина, но, так же, как и первейший наш поэт, осознал её вполне. Наступление "консервативной" духовной зрелости Жуковского хорошо видно и из ещё одного яркого рассуждения мыслителя, содержащегося в его дневниковых записях Жуковского 1833 года. Это январское (1833 года) философическое размышление навеяно швейцарскими видами гор, долин и человеческих поселений. Жуковский задумывается о соотношении Божественного Промысла и человеческой свободы. Он вполне осознаёт антиномию, то есть полноту и провиденциального замысла, и одновременно – возможность человеческого произвольного действия. Европейская цивилизация, ("образованность", по

его терминологии, общей с родственными ему духовно славянофилами), проистекает из христианства. Всякое действительное отклонение европейских народов от христианской истины возможно и соответствует полномочию человеческой свободы. Но любое человеческое нарушение христианских начал все равно предполагает конечное торжество Провидения, которое заключается в *о б р а з у ю щ е м* действии. Жуковский пишет: "... и после пришествия Христова были политические разрушительные вулканы, они являются и теперь, но характер их более изменяется: теперь они более *образовательны*, нежели прежде". Провидение (а именно оно действует капитально, "в целом") даёт возможность людям свободно усвоить урок и, в конечном счете, вернуться к истинной "образованности", то есть, говоря по-современному, – к истинной цивилизации (курсив Жуковского; разрядка моя – В.Ш.) [7, С.345 – 346].

Это размышление по "горной философии" является методологическим введением к суждению о революции, поднявшей меч на христианскую государственность Европы. Прибегнув к аналогии, сравнив землетрясение и революцию, Жуковский пишет замечательные по консервативной мудрости строки: "Вот – история всех революций, <...>! Разрушая существующее, *жертвуя справедливостию*, жертвуя настоящим..., есть опрокидывать гору на человеческие жилища с безумною мыслию, что можно вдруг бесплодную землю, на которой стоят они, заменить другою, более плодоносною". Дальше следовали выводы из этой консервативной, охранительной истины, вполне в духе Карамзина. Жуковский пишет: "На этих развалинах... ярко написана истина: *"Средство не оправдывается целью; что вредно в настоящем, то есть истинное зло...; никто не имеет права жертвовать будущему настоящему и нарушать верную справедливость для неверного возможного блага"*. Человек не должен революционно вступать в область Бога: "... вступаясь в дело Провидения и надеясь силою в одну минуту произвести то, что оно медленно созидает временем, мы губим и гибнем". Руководящая мысль просвещённого свободного консерватизма, впервые у нас воплощённого в творчестве Карамзина, гласит, что **новизна** может утвердиться только в спасительных, оправданных историей формах **старинны**. В частности, самодержавная христианская монархия является той вечно юной стариной, которая никак не пре-

пятствует постепенному, но зато и верному, основательному развитию гражданской свободы в обществе при твёрдой защите модернизирующегося государства от хищной зависти извне и модной "либералистской" глупости изнутри. Эту мысль своего учителя и друга Жуковский творчески берёт в своё распоряжение. Именно поэтому он замечает следующее в завершение своего важного рассуждения: "... *храня то, что зрело и полно жизни*, ты безопасно, без всякого губительного потрясения, произведёшь или *новое необходимое*, или уничтожишь *старое* уже бесплодное или вредное. Одним словом, *живи и давай жить*; а паче всего *блюда Божию правду!*" [7, С.346]. Таким образом, Жуковский, аналогично Карамзину, в своём мировоззрении руководствовался христианской онтологией. Сила царской власти по Жуковскому – также в опоре на божественную правду и право. В сентябрьском 1827 г. дневнике поэт пишет, что "только тогда меч царский есть сильная подпора, когда руки, на него опирающиеся, слагаются в молитву смирения" [7, С.294]. Отсюда проистекала искренняя апология Жуковским самодержавной монархии в России. **Тут соединяются две мысли. Во-первых, самодержавное царство – главная опора нашего национального достоинства, во-вторых, самодержавие в истинном своём облике не есть самовластие и призвано утверждать в обществе гражданскую свободу.** Тем самым оно оправдывает своё бытие и само крепнет.

Сказанное позволяет сделать вывод о консервативном постоянстве поэта-мыслителя, который развивал свой самобытный комплекс воззрений на типологично сходных со славянофилами основаниях, ставя христианство во главу угла как живую истину. При этом поэт-мыслитель стремился учитывать достижения отечественной и западной консервативной мысли.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. *Бондаренко В.В.* Вяземский. Серия "Жизнь замечательных людей". – М.: 2004.
2. *Гиллельсон М.И.* От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. – Л.: 1977.
3. *Гросул В.Я.* Русское общество XVIII – XIX вв.: Традиции и новации. – М.: 2003.
4. Жуковский и русская культура: сборник научных трудов. – Л.: 1987.

5. Жуковский и литература конца XVIII – XIX века. – М.: 1988.
6. Жуковский В.А. Из дневников 1827 – 1840 гг. // Наше наследие. 1995. № 33.
7. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем в 20-и т. Т. XIII. – М.: 2004.
8. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем в 20-и т. Т. XIV. – М.: 2004.
9. Жуковский В.А. Сочинения в 3-х т. Т.3. – М.: 1980.
10. История политических и правовых учений: Хрестоматия. – Харьков: 1999.
11. Письма В.А. Жуковского к Александру Тургеневу. – М.: 1895.
12. Платон. Законы / ред. А.Ф.Лосев и др. – М.: 1994.
13. Шмидт С.О. Василий Андреевич Жуковский – великий русский педагог. – М.: 2000.
14. Эймонтова Р.Г. Из истории религиозного вектора русской мысли: Василий Андреевич Жуковский // Новая и новейшая история. 2004. № 3.
15. Ямвлих. Жизнь Пифагора. – М.: 1998.
16. Янушкевич А.С. В мире Жуковского. – М.: 2006.

V.A.ZHUKOVSKY – THE FREE CONSERVATIVE

© 2008 V.N.Shulgin

Immanuel Kant Russian State University

The author examines the views of the prominent representative of the first generation of the 19-th century Russian Free Conservatism. On the basis of critical analysis of the historiography and new sources the author comes to a conclusion about the continuity of the poet and thinker`s conservative vision.